

Татьяна Мейко



Дыхание Неба

6+

Татьяна Мейко

Дыханье Неба. Сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67266816

SelfPub; 2022

Аннотация

Что делать, когда грустно и одиноко, темно и холодно, когда недоволен собой, когда ищешь себя и не находишь? Добрые, поэтичные и мудрые сказки Татьяны Мейко помогают ответить на самые важные вопросы, которые ставит перед нами жизнь. Они одинаково интересны для детей и взрослых, поэтому хороши для семейного чтения.

Содержание

Зёрнышко	4
Солнце и туча	7
Ромашки	11
Яблоко и яблоня	13
Ручеёк	17
Как червяк на небо ползал	23
Любчик	30
Человек	35
Планета	39
Дыханье Неба	42

Татьяна Мейко

Дыханье Неба. Сказки

Зёрнышко



Знаешь ли ты, о чём шелестит и лепечет весной новорождённое зелёное поле? Послушай сказку.

Однажды в земле проснулось зёрнышко, выпустило росток и корешок и прошептало испуганно:

– Как темно и холодно.

– Вот и я говорю, – сонно отозвалось зерно, лежащее рядом, – угораздило нас здесь родиться!

– Неужели во всём мире так же мрачно? – спросило первое зерно.

– Там хорошо, где нас нет! – ответило второе.

Они разом вздохнули. Помолчали в печали. Но скучно и зябко было лежать без движения. Зёрнышко оцупало нежным ростком плотную тьму, и ему показалось, что сверху она чуть теплее.

– Куда ты? – окликнуло зерно лежалое. – Лучше не будет! Везде одно и то же!

Зёрнышко само не знало – куда, но что-то смущало его, не давая оставаться на месте. И оно стало пробиваться вверх.

На пути ему встречались холодные камешки, безжизненные комочки глины, гнилой сучок. Казалось, все они были живыми, а теперь умерли. И само оно скоро умрёт, ведь нельзя слишком долго жить во мраке и одиночестве.

Так думало зёрнышко и всё-таки росло. Но сколько ни взглядывалось в глухой пугающий мрак, светлее не становилось.

Однажды сверху вдруг резко повеяло холодом. Зерно замерло, не зная, как быть. Долго стыло оно в унылом оцепенении, и внутри у него становилось так же темно, как снаружи.

– Нет, – наконец решило оно, – пусть всё вокруг мёртвое, но ведь я-то живое!

И опять – с трудом, с усилием – потянулось вверх.

День за днём, упорно раздвигая тьму, совершало оно свой путь. То есть это мы говорим день за днём, для него же не было ни дня, ни ночи.

Постепенно тьма становилась теплее, мягче. И вдруг, словно порвали чёрное полотно, – хлынул свет!

Мир распахнулся – ослепительно яркий, неожиданно тёплый и просторный, полный жизни, движения, звуков!

Вокруг восторженно переговаривались тысячи юных зелёных всходов. И новорожденный росток, забыв все печали, блаженно залепетал вместе со всеми.

Только иногда ему становилось немного грустно, оттого что жаль было то зерно, которое не захотело расти.

...Если когда-нибудь тебе вдруг станет трудно и одиноко, темно и холодно, вспомни, как шумит и ликует молодое весеннее поле. И, как бы ни было тоскливо, не отчаивайся и не останавливайся на своём пути. Ведь может оказаться, что ты ещё не до конца родился.

Солнце и туча



Заспорили как-то весной Солнце и Туча – хороша ли Земля.

Солнце оглядело мир от края до края и просияло:

– Цвета на Земле яркие, реки чистые, дали ясные.

А Туча глянула сквозь серую пелену дождя, и всё разом потемнело, поблёлкло.

– Цвета, – отвечает, – тусклые, реки мутные, дали туманные.

Летом жарче спор разгорелся. Солнце смотрит и радуется: капли дождя на изумрудном полотне полей бисером светятся, вьются серебряные ленты рек и короной над всей земной красой блистает радуга.

– Земля, как царевна – юная, нарядная, – говорит Солнце.

Но Туча не видит ни короны, ни бисера.

– Земля, как нищенка в лохмотьях лесов и заплатах полей.

Осенью Солнце посмотрит: вся Земля в золотом сиянии, озёра, как камни драгоценные в дорогой оправе лесов.

– Была царевной – царицей стала!

Туча не верит, всё ей унылым кажется: скучно, серо, сыро.

Зима пришла, и вовсе всё опустело. Леса оголились, водоёмы снегом занесло. Лежит земля под холодным белым одеялом неподвижная, бездыханная.

– Ну, кто прав? – спрашивает Туча.

А Солнце лишь бросит взгляд – мир засверкает, заиграет

радужными блёстками.

– Земля, как невеста в свадебном уборе! – ликует Солнце.

Туча таращится, то так, то этак повернётся, но ничего хорошего не видит.

Так до сих и спор спорят.

Ромашки



«До чего же они некрасивые!» – думала ромашка, оглядывая своих соседок. – Неужели и я такой стану?»

Она родилась позже других, была мала ростом, поэтому видела вокруг только грубые стебли и беспорядочно торчащие лохматые листья.

Ромашка росла и становилась всё печальней. Даже в солнечные дни, когда между стеблями и листьями просвечива-

ла синева неба, а в воздухе играли бабочки и стрекозы, она только вздыхала и уныло косилась вокруг. Ведь ничто не радует, когда ты недовольна собой.

«И чего веселятся эти дурнушки?» – недоумевала она.

А её соседки, нисколько не стыдясь своей неприглядности, беззаботно раскачивались на долговязых ногах, заигрывали с ветром и мотыльками. Сколько ни присматривалась ромашка, не находила в них ничего хорошего. Самое ужасное, что сама она день ото дня становилась такой, как все – вихрастой и неопрятной.

Однажды цветы вокруг заволновались сильнее обычного и расступились. Заслонив небо, сверху, покачиваясь, опустились две невиданные розовые бабочки. Это, уронив косички с огромными бантами, над ромашкой склонилась девочка. Две ладошки скользнули следом и пригнули её к земле.

Ромашка затрепетала и вдруг стремительно понеслась вверх. Небо приблизилось, оглушило шумом ветра, ослепило солнечным светом. И в этом свете она увидела под собой множество ромашек – удивительно белых на зелёном лугу. Это были те же дурнушки, что росли рядом с ней, но теперь она заглянула в их солнечные глаза.

И она всё поняла: на цветы нужно смотреть сверху, откуда видит их солнце – тогда они прекрасны!

Яблоко и яблоня



Упало от старого дерева спелое яблоко рядом с молодой яблоней.

– Здравствуй, яблочко, желаю тебе поскорее истлеть, – сказала молодая яблоня.

– Сама истлей, если тебе нравится, – рассердилось яблоко. – Я только что висело на ветке, все любовались мной, ждали, когда я созрею. И вот я созрело и рассчитываю на самое лучшее.

Весь день яблоко надеялось, что за ним придут, и для него начнётся новая счастливая жизнь. Но никто не пришёл ни днём, ни вечером. Утром оно уже не казалось таким свежим.

– Это оттого, что вчера было слишком пасмурно, – решило яблоко, – моей кожице нужен солнечный свет.

Но когда припекло солнце, яблоко стало сохнуть.

– Желаю тебе совсем высохнуть, – сказала яблоня.

– Замолчи! – испугалось яблоко. – Мне бы немного воды, и я снова буду сочным и крепким.

Пошёл дождь, и оно стало преть с того боку, на котором лежало.

– Хоть бы ты поскорее испортилось, – сказала яблоня.

– Что я тебе сделал? – простонало яблоко. – И неужели не найдётся тот, кто оценит меня, порадуется моей свежести?

– Какое чудесное яблочко, – похвалил червяк и, прокусив тонкую кожицу, забрался в сочную мякоть.

– Что это? Зачем это?! – заволновалось яблоко. – Ах, он ест меня изнутри. Я пропадаю!

– Вот и хорошо, – обрадовалась яблоня.

– Ты злая! Я и так страдаю, а ещё ты отравляешь мою жизнь. Мне бы теперь сохранить хотя бы то, что осталось. Вот ведь сверху я совсем целое.

– Какое хорошее яблочко, почти целое, – загудели осы и, воткнув острые жала, потянули из него соки.

– Как больно! Как страшно! – жаловалось яблоко. – Как ужасно и несправедливо устроена жизнь!

– Вовсе нет, – успокаивала яблоня, – всё идёт как надо.

– Ты смеёшься надо мной! Посмотри – где моя прозрачная кожица, моя сочная мякоть, моя свежесть и молодость? Куда всё девалось?

– Твоя красота, румяная кожица и сочная мякоть – лишь временные одежды. Не жалей о них.

Но яблоко не хотело ничего знать.

– Всё пропало! Всё пропало! – твердило оно. – Кому я такое нужно? На что я теперь гожусь?

– Какое замечательное гнилое яблоко, – радостно зажуужали мухи и облепили его со всех сторон, так что оно совсем съёжилось от боли и отчаянья.

– А всё ты! Всё ты! – корило яблоко. – Ты пожелала мне это! Ты сгубила мою жизнь.

– Разве это жизнь? – удивлялась яблоня.

Но яблоко больше не слышало её. От него осталось лишь маленькое семечко, которое затерялось в траве и ушло в землю.

Весной из семечка пророс зелёный стебелёк.

– Здравствуй, маленькая яблонька, – сказала ему большая яблоня. – Как я ждала твоего появления, как весело станет нам теперь. Мы будем стоять рядом, как две сестрёнки, в наших ветвях запоют птицы, ветви покроют цветы, и из каждого цветка вырастет молодое румяное яблочко.

– Здравствуй, добрая яблоня, – отвечала новорожденная яблонька. – Какая ты милая, приветливая, как я хочу скорее вырасти и стать похожей на тебя!

Она совсем не помнила, что с ней было раньше, и каждым листиком радовалась утру, солнцу, весне.

Ручеёк

Чёрный, как весенняя проталина, скворец слетел с ветки, послушал, как переговариваются водные струйки, и зажурчал, забулькал, подражая их говору.

Ручеёк очень обрадовался, что с ним заговорили на понятном языке.

– Откуда ты? – робко спросил он.

– Я прилетел из-за моря!

– А что такое море?

Скворец подумал, посмотрел в весеннюю синеву и сказал:

– Море похоже на небо. Оно огромное и глубокое, так что не видно берегов и дна. В ясные дни оно всё сияет от солнца! И как ветер гонит облака, волны несут по нему лёгкую белую пену.

– Как красиво! – восторженно пролепетал ручеёк. – Я тоже хочу к морю!

– Море очень далеко. А ты слишком мал. Ты устанешь, собьёшься с пути.

– Не устану, не собьюсь! Только покажи, где оно.

– Тогда беги на юг! Туда, откуда дует тёплый ветер!

И ручеёк, не раздумывая, повернул на юг.

Солнце припекало, снега таяли, со всех сторон доносились голоса выбравшихся на волю весенних потоков.

– Вот удобная тропинка! Вот подходящая низинка! – на-

перебой шумели они, торопясь занять дорожки, издавна намытые дождевыми и тальми водами.

– Но ведут ли они к морю? – волновался ручеёк.

– А что это такое?

– Море – как на небо! Оно огромное и глубокое, так что не видно берегов и дна!

– Там, за углом, есть огромная лужа – у неё тоже не видно берегов и дна. Может, это и есть море?

Лужа действительно была очень большая. Один её край упирался в стену дома, другой терялся за забором, а дно не просматривалось из-за грязной воды.

– Ну, вот ещё один! – недовольно поморщилась она. – Все хотят попасть в самую большую лужу, а мне самой едва хватает места.

– Нет, она не похожа на море, – решил ручеёк и, нырнув под забор, обежал лужу стороной.

Вокруг вперегонки катились по склонам ручьи, шумели, перекликались друг с другом:

– Сюда! Сюда! Здесь для нас прорыты специальные канавки, по ним так легко и приятно бежать.

Но наш ручеёк намывал собственную дорожку.

– Я ищу море! – говорил он всем, кто звал его с собой.

– А какое оно?

– Оно похоже на небо и в ясные дни всё сияет от солнца!

– Там у дороги есть рытвина, наполненная водой. Она тоже вся сияет и переливается!

Рытвина переливалась от бензиновых разводов – в ней недавно забуксовала машина.

– Нужно быть современной, – учила она. – Сегодня, если в тебе одна вода, ты уже никому не неинтересна.

– Она тоже не похожа на море! – сказал ручеёк.

Он вновь побежал навстречу южному ветру, напевая:

– Море – как на небо! И, как облака, в нём плывёт лёгкая белая пена.

– Там впереди сточная канава, по ней чего только не плывёт! – подсказали ему.

Канава собирала всё подряд: прошлогодние листья, сосновые иголки, клочок газеты.

– А что принес ты? – спросила она. – Бери пример с меня, вон сколько я накопила добра!

Ручеёк подхватил обгоревшую спичку, но она вертелась, цеплялась за камешки и прошлогоднюю траву, мешая мечтать о море. Бросив её, он поспешил выбраться из города.

На вольном просторе было куда интереснее. Здесь яснее различались голоса птиц и дуновение ветра, а встречные ручьи были чище и веселей.

Маленький родничок присоединился к нему, но скоро стал отставать.

– А есть ли оно – море? – запыхавшись, спросил он.

– Конечно! Мне рассказал о нём скворец.

– Кто же верит скворцу, поющему с чужого голоса?! – удивился родничок и, скатившись с пригорка, разлился в низин-

ке.

А ручеёк пустился дальше. Он бежал без усталости.

– Вот стану большим и сильным, тогда можно будет передохнуть, – успокаивал он себя.

Скоро дорожка круто пошла вниз – впереди показалось лесное озеро. Оно было гораздо больше любой лужи, а берега терялись в зарослях прошлогодних камышей и осоки. Но оно тоже не походило на море – оно было мутным, безжизненным.

И ручеёк пробежал мимо.

– Даже если ты большой и сильный, всё равно нельзя останавливаться, – думал он, – иначе вода в тебе может испортиться, и ты превратишься в обычное болото.

Он бежал днём и ночью, набираясь сил от тающих снегов и первых весенних дождей. Он становился всё сильнее, всё увереннее в себе.



И наконец, перед ним открылся широкий водный простор. Это была река. Она свободно прокладывала себе дорогу, бурлила, пенилась, увлекая за собой встречные ручьи и небольшие речушки.

– К морю! К морю! – шумели речные струи. И ручеёк с радостью слился с ними.

Мир разом вырос, расширился. Прежде его берегами были мелкие камушки и травинки, а теперь – горы и деревья. По утрам берега скрывались в тумане, и казалось, река вливается прямо в небо...

Здесь всё говорили о море.

– К морю! – гудел влажный ветер.

– К морю! – кричали чайки.

По воде плыл большой белый теплоход, играла музыка, нарядные люди смеялись и говорили:

– К морю! К морю!

И чувствовалось, что море уже близко.

Как червяк на небо ползал

У дождевого червяка нет ни рук, ни ног – движется он весь, всем телом. Видит и слышит он тоже весь. И чувствует весь. Поэтому, влюбившись, он влюбился весь – всей кожей и всеми внутренностями. Случилось это так...

Жил он себе в земле, богатой жирным перегноем, пил дождевую воду, ел стены, пол и потолок собственного дома. Причём, чем больше ел, тем просторней и удобней становилось его жилище.

В общем, жизнью он был вполне доволен и на поверхности показывался редко – чтобы полакомиться свежесопревшим листочком. Или после обильного дождя, когда все его подземные переходы затопляло водой.

Как-то раз, выглянув из норы, он заметил гусеницу. Она покачивалась на молодом листе смородины и томно смотрела куда-то вверх. Червяк прополз мимо, но тут же вернулся. Забрался под землю, но и там не нашёл себе места.

Можно было сказать, что он потерял голову, если бы у него была голова. Скорее, в нём завелась червоточина – хотелось растянуться во всю длину и предаться мечтам, что не престало порядочному червяку.

Спасение от грёз было одно – жениться.

– Выходи за меня, – решительно предложил червяк.

Красотка бросила сверху недоумённый взгляд.

– Замуж? За червяка?! Об этом ли я мечтаю?! Я мечтаю о небе!

– Небо – это та дыра, в которую проваливаются бездомные птицы, жуки и мухи? – уточнил червяк.

– Ах, небо! – пролепетала она. – Сколько там простора и света!

– Но там негде жить! А у меня под землёй собственный дом с длинными коридорами и удобными комнатами.

– Не хочу под землю, – заупрямилась гусеница.

В этот момент мимо пролетел большой чёрный грач. Червяк спешно скрылся в норе и принялся грызть землю. Он всегда грыз землю, когда задумывался. Ему было непонятно, чем зыбкий непрочный свет лучше его устойчивой надёжной тьмы.

Мир для червяка делился на две части: одна подземная – где темно днём и ночью, другая надземная – где темно только ночью. Таким образом, даже безголовый мог бы подсчитать, что тьмы в мире ровно в три раза больше, чем света. Поэтому к той малости, которую занимал свет, червяк относился снисходительно – как к чему-то временному, не стоящему внимания.

Но с тех пор, как он увидел гусеницу, ему уже не сиделось в тёмной норе. Он всё чаще выползал наружу: то без толку лежал под кустом, то ползал мимо него назад и вперёд, то сворачивался колечком, то делал стойку на хвосте, изгибаясь вопросом.

Но гусеница на все его ухищрения не обращала внимания. Однажды червяк увидел, что она обложилась какими-то белёсыми ниточками и примеряет их на себя.

– Готовлю новый наряд, – объяснила она. – Ах, я чувствую, скоро со мной случится что-то необыкновенное.

Говоря это, гусеница без устали наматывала на себя нитку за ниткой, становясь всё толще, пока не раздулась до неузнаваемости.

Её нелепое одеяние несколько разочаровало червяка. Он уполз под землю и долго не показывался на поверхности.

И всё же не так просто было заставить его отказаться от своих намерений. Поразмыслив, он решил, что в подземном мире внешность не имеет решающего значения. Но, вернувшись обратно, вместо гусеницы нашёл лишь пустой кокон.

– Не проглотила ли её какая-нибудь птица? – забеспокоился червяк и вдруг услышал весёлый голос.

– Вот и я! – Неподалёку, обмахиваясь новенькими, едва просохшими крылышками, сидела бабочка. – Не правда ли, теперь я гораздо красивее?

Червяка трудно было чем-нибудь удивить, ведь он прекрасно обходился не только без крыльев, но без ног, без рук и даже без головы. Тем не менее, он понял, что теперь его избранница вряд ли согласится жить под землёй.

– Счастливо оставаться! – помахав крылом, она скрылась из виду.

Червяку захотелось оторваться от земли и лететь вслед.

– Может, и у меня отрастут крылья, если я буду лежать без дела и тарашиться вверх? – подумал он и решительно вполз на смородиновый куст.

Сидеть на качающемся от ветра листе было неудобно – того гляди свалишься. Солнце жгло так, что червяк и вправду почувствовал себя в душном коконе. От жары он то и дело погружался в дремоту, и ему казалось, что он уже преобразился и порхает в небесах вместе с бабочкой. Так он просидел до позднего вечера, но никаких изменений с ним не произошло.

Его охватило отчаяние. Охватило всего без остатка. Смородиновый лист дрожал, а ему казалось, это дрожит и рушится весь мир, бывший прежде таким надёжным и понятным.

Скоро из-под земли выползла ночь, слопав остатки света. Какое-то время в вышине ещё болтался светящийся червячок месяца, но потом и его затянуло тучей. Стало так темно, что не осталось никакой границы между небом и землёй.

И тогда к червяку пришла удивительная мысль: «Если нет границы, значит можно без всяких крыльев заползти на небо!»

Мысль эта, как всегда, захватила его целиком. Он тут же перебрался с листа на сучок, с сучка на ветку. Он поднимался всё выше, преодолевая преграды, так как любому делу привык отдаваться полностью. И наконец решил, что заполз достаточно высоко.

Он огляделся. Вокруг была всё та же непроглядная тьма,

только впереди, совсем рядом, светились бледные зеленоватые огоньки.

– Кто вы? – крикнул червяк. – Может, вы звёзды?

– Да, – ответили польщённые огоньки.

На самом деле это были обычные светлячки, но как же приятно, когда принимают за звезду!

– Значит, я и в самом деле на небе, – обрадовался червяк. – Оказывается, добраться до него – пара пустяков. А скажите, есть ли у вас здесь собственное жильё? Где вы, к примеру, ночуете?

– Да так... – честно признались светлячки, – где придётся: в ямках, на бугорках, на листочках и в разных гнилушках.

– Так я и думал, – усмехнулся червяк. – Нет, всё это не для меня. Уж я бы ни за что не променял собственный дом на какие-то ямки и гнилушки только потому, что они находятся на небе. Поползу-ка я обратно, пока не закрылась небесная граница.

Утренняя суматоха застала его уже на земле. Словно пепел сгоревшей ночи, в воздухе беспорядочно кружили мухи. Весь в пыльце, покачиваясь, пролетел пьяный от цветочного дурмана шмель. Заспанная стрекоза, прихорашиваясь, рассматривала своё отражение в капле росы, а бабочки, лениво порхая над цветами, рассказывали друг другу ночные сны.

Одна из них окликнула его.

– Ты всё ещё здесь, бедный червяк? Знал бы ты, где я была, сколько всего повидала! Как приятно порхать и резвить-

ся в небе!

– Видел я ваше небо! – проворчал червяк. – Там даже у звёзд нет собственного жилья, и они ютятся где попало.

Добравшись до дому, он улёгся в постель из прошлогодних листьев и проспал до обеда. А проснувшись, забыл о бабочке. Забыл, как всегда, сразу и напрочь.

Вскоре он женился. Жёну взял по соседству. Вместе они прорыли переходы между своими норами, объединив их в огромный дом, где с удовольствием принимали гостей.

Хозяевами они были радушными и всегда позволяли гостям пожевать собственные стены. И только если кто-нибудь вдруг начинал не в меру нахваливать свет, червяк морщился всем существом.

– Свет – самое нелепое и бесполезное, что есть в природе, – убеждённо говорил он. – Там, наверху, царит такой беспорядок, такая суматоха и неразбериха, что это не может продолжаться долго. Я верю – однажды тьма проглотит свет раз и навсегда! Тогда не останется границы между днём и ночью, небом и землёй, и все эти мотыльки, мошки и прочие крылатые бездельники не будут задирать перед нами нос.

– И в любую минуту можно будет заползти на небо? – с волнением спрашивали молодые червячки.

– Конечно! Только зачем? Я был там и не нашёл ничего интересного.

Гости слушали с большим вниманием, а жена просто краснела от гордости. Ведь не у каждой червячихи найдётся муж,

который побывал на небе и разговаривал со звёздами!

Любчик



В жаркий летний день посреди цветущего сада пробился никем не замеченный стебелёк. Он родился меж розовых кустов и решил, что он тоже росток будущей розы.

Сияло солнце, пели птицы, шмели и пчёлы с жужжанием забирались в пышные бутоны, так что казалось, сами розы

гудят от удовольствия. Мир был таким ярким, свежим, благоухающим, что новорожденный росток полюбил его с первого взгляда.

Он пришёл в восторг от летнего тепла, умилился мимолетному ветерку, восхитился прекрасными розами, каждая из которых в роскошном бархатном одеянии, усыпанном алмазами утренней росы, казалась драгоценным подарком миру. Он полюбил доброго старого садовника.

Но больше всего он обожал девочку, внучку садовника. Она бабочкой порхала по саду, что-то напевала, а когда видела особенно красивый цветок, радостно смеясь, гладила его лепестки. И маленький, никому не известный росток наполнялся нежностью. Он мечтал, что когда-нибудь тоже превратится в прекрасную розу и девочка заметит его, оценит и, может быть, полюбит.

Однажды садовник не пришёл. Не появился он и на следующий день. С тех пор девочка сама поливала цветы из большой синей лейки. Она реже смеялась и всё вздыхала о чём-то.

Росток вздыхал вместе с ней, страдая оттого, что не знает причины её грусти. Он отдал бы ей всё, если бы у него хоть что-нибудь было, он отдал бы за неё жизнь, если б мог. Но что делать, если ты слаб и беден, а сердце рвётся любить, расточать, дарить?

Как торопил он своё цветение! Как усердно подставлял листья солнцу, впитывал корнем влагу. Весь восторг перед

земной красотой, всю любовь он старался вложить в будущую розу и верил – она будет так прекрасна, что в мире не останется горестей и печалей.

И вот на его макушке наметились почки. Он замер в томительном ожидании, с трепетом чувствуя, как, набухая, сладостно ноют они. Скоро приоткрылась первая из них, и на свет выглянул крошечный бледный цветочек, совсем не похожий на тот, о котором он мечтал. Бутоны раскрывались один за другим и наконец раскрылись все. Ни в одном из них не оказалось розы.

Росток виновато огляделся. Ему казалось, что он обманул весь мир, который был так щедр к нему. Но никто не обращал на него внимания. Его цветения не заметили так же, как появления на свет.

Теперь он старался не попадаться на глаза девочке. Он стеснялся своего жалкого цветения, мучился тайной неразделённой любовью и не замечал в чужом аромате, как тонко и нежно пахнут его простенькие цветы.

Приближалась осень. Роз становилось всё меньше. Скоро девочка срезала последнюю, и он остался один. Тонкий, долговязый он торчал среди поредевшей зелени, покачивался и кивал ершистой макушкой, осыпанной блёклыми цветочками. Он всё ещё чего-то ждал.

И однажды девочка, оглядев опустевший сад, срезала его и забрала с собой – туда, куда уносила самые красивые цветы.

В комнате в глубоком кресле сидел укрытый пледом садовник. Он смотрел в пасмурное небо за окном, а перед ним на столе стояли уже отцветшие розы.

Садовник обернулся, и взгляд его просветлел.

– Это же любчик! Где ты его нашла?

– Любчик? – удивилась девочка.

– Ну да. В наших краях его ещё «люби меня» называют.

– А он целебный?

– Не то слово! Считается, что пока он растёт, весь свет любит. И столько любви накапливает, что даже когда увянет, она остаётся и другим передаётся. Потому готовят из него приворотное зелье. И сдаётся мне, у нас с твоей бабушкой тоже без этого не обошлось.

– Но, дедушка, это когда было! Теперь у тебя сердце больное, тебе не любовь, тебе лекарство нужно.

– Так любовь для сердца – лучшее лекарство!

Внучка смотрела на него с недоверием, но увидев, как свет прошлой радости лучиками разбегается по всем морщинам, разулыбалась и, убрав старый букет, пристроила длинный стебель любчика на его место.

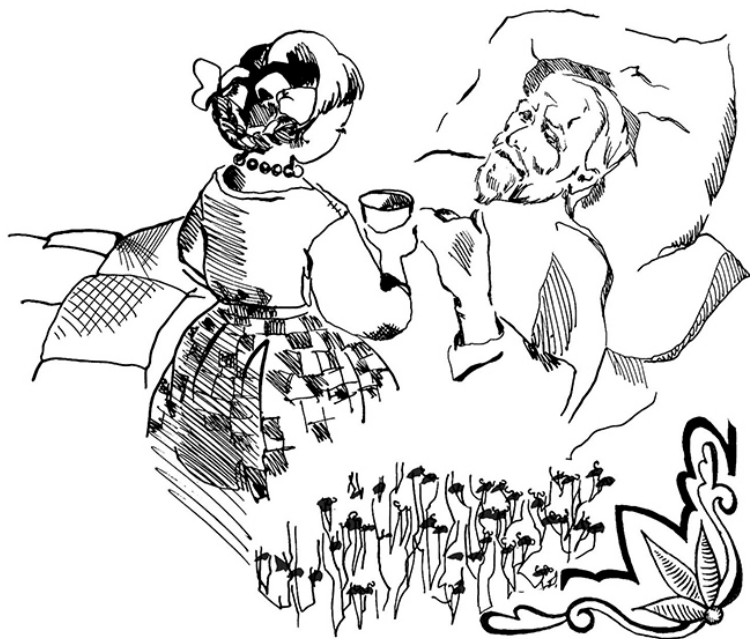
– И кого же ты теперь станешь любить? – спросила она.

– Это всегда найдётся: солнце, цветы, деревья, птиц... Ну и тебя, конечно!

А любчик разливал по комнате аромат ещё более сильный и явственный, чем прежде. Этот аромат был его словами, его

слезами, его признанием в любви.

И случилось то, о чём он не мечтал даже в счастливую пору самых смелых надежд. Девочка коснулась его губами и ласково поцеловала в макушку, усыпанную мелкими бледными цветочками, будто и вправду он стал прекрасной розой.



Человек

Всё когда-то начиналось – и мир, и люди. Однажды самый первый человек в свой самый первый день увидел, как раскачивается дерево на ветру.

– Кто ты? – спросил он.

– Я дерево.

– О чём ты шумишь?

– Меня опьяняют земные соки, мне приятно качаться на ней и шелестеть листвой.

– Мне тоже хочется качаться и шуметь, – обрадовался человек. – Я дерево!

Он вскинул руки, крепче упёрся босыми ногами в землю и стал блаженно раскачиваться из стороны в сторону. Но в спину бил ветер, не давая стоять на месте.

– Куда ты спешишь? – спросил человек. – Остановись.

– Я не могу. Я ветер, мне нужно беспокоить всё вокруг, метаться и мчаться, не разбирая дороги.

– И мне! – воскликнул человек. – Мне тоже беспокойно отчего-то и хочется мчаться неизвестно куда.

Он заметался, закружил, стараясь обогнать ветер. Но тот не отставал, толкал в спину, бил в лицо, а ноги путались в траве.

– Зачем ты мешаешь мне? – спросил человек у травы. – Я ветер!

– Ветер свободен, – зашептала трава. – А тебя всегда будет притягивать земля. Разве тебе не хочется слиться с ней, обнять, как я обнимаю?

– Хочется, – прошептал человек, останавливаясь и прислушиваясь к себе. – Я трава!



Он лёг на землю. Глазам открылся небесный простор, в котором резвились лёгкие, крылатые существа.

– Эй, – крикнул он, – кто вы?

– Мы птицы.

– А хорошо быть птицей?

– Чудесно! Мы летаем, когда хочется летать, и поём, когда хочется петь!

– Я тоже хочу быть птицей! Я лечу!

Взмахнув руками, человек побежал, устремляясь ввысь. Он бежал изо всех сил, стремительный, лёгкий, но небо не приближалось. Споткнувшись, он упал в траву. Сердце билось так, будто ещё продолжало бег. А вдали смеялось и дразнилось эхо: «Лечу! Лечу-у!»

И вдруг небо над ним недовольно заворчал, загрохотало.

– Дождь, дождь, дождь! – застучали капли со всех сторон.

Человек прижался к земле, но в ней не было прежнего тепла. Тогда от холода, усталости и ещё чего-то непонятного, но важного он заплакал. Капли из глаз смешивались с дождевыми.

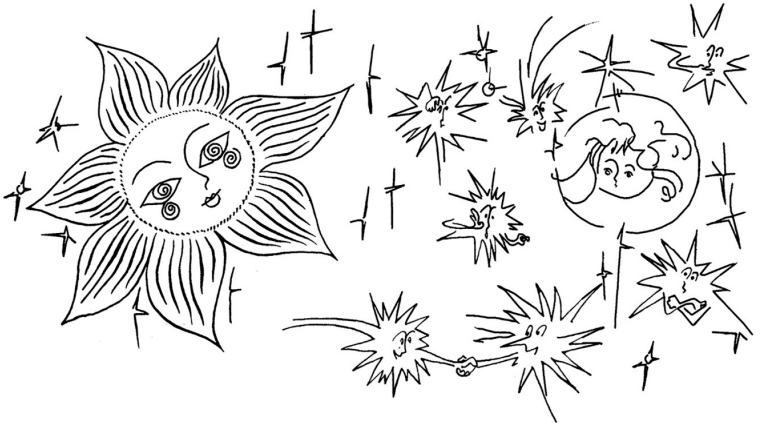
– Я дождь? – удивился он, поднимая голову. – Я дождь!

Вскоре замолчал гром и солнце снова согрело землю. Всё вокруг было чисто, свежо, юно, всё манило, звало повториться в себе.

Целый день человек примерял на себя всё, что встречал на пути. Лишь к вечеру, представляя себя прибрежным камнем, уснул у реки, но даже во сне не мог успокоиться и всё стремился куда-то, всё менял обличье. Под утро ему приснилось, что он огромный и бескрайний, как сама земля, его обнимает трава, в нём переплелись корни деревьев, и птицы

поют ему свои бесконечные песни.

Планета



Не было когда-то ни звёзд, ни планет, была только бесконечная, пустынная тьма. И горел в ней один единственный костёр. Неизвестно было, кто и зачем его зажёт, кто грелся возле него в темноте и холоде, но однажды вспыхнул костёр так ярко, что искры от него разлетелись далеко-далеко.

Загорелись от них горячие звёзды. Каждая, сохранив в себе изначальный жар и свет, всеми силами старалась обогреть и осветить свой кусочек безбрежного мира.

Только самым маленьким звёздочкам не хватило огня.

Словно угольки, выброшенные из костра, они стали остывать, покрываться твёрдой корой – и превратились в планеты.

Закружили планеты вокруг больших звёзд, завертелись вокруг собственной оси и забыли, что произошли от одного огня.

Забеспокоились, глядя на них, большие звёзды:

– Как можно жить и не гореть? Мы напомним планетам, откуда они родом!

И полетели по Вселенной звёздные знаки – кометы, заметались звёздные осколки – метеориты. Как пламенная память врывались они, и планеты взрывались, бурлили, извергали огонь.

Дошла очередь до планеты Земля. К тому времени на ней зародилась жизнь: неяркая, невеликая, сколько ни вглядывались звёзды с высоты, ничего не могли разглядеть. Посланники-метеориты сгорали в голубом сиянии. А Земля светилась и молчала.

Но знали звёзды: даже у самых холодных планет не угасает внутри прошлый огонь. Будто пылкое сердце, бьётся он, просится наружу. И когда всё на Земле засыпало, звёзды тайно манили её за собой.

И до сих пор ночами призывно глядят они на Землю.

Иногда не выдерживает планета, бунтует её беспокойное сердце, пробегают по поверхности горячие волны и раскалённая лава взрывает земную кору. Но каждый раз, опом-

нившись, она сдерживает себя, клокочет, сжимается, но не даёт разбушеваться пожару. И раны затягиваются, остывают.

– Что там на этой планете? – допытываются звёзды. – Что там за жизнь, ради которой можно погасить в себе вечный огонь? Для чего эта жизнь? Зачем?

Молчит Земля и светится.

Дыханье Неба

Жили когда-то на свете богатыри ростом с высокие кедры. Плечи их были широкими, грудь мощной, а всё тело, словно панцирь, покрывала прочная кора.

Тогда на земле ещё не было воздуха, и жили богатыри лишь тем дыханием, что с рождение хранилось у каждого в груди. Им не нужны были ни вода, ни еда – только этот глоток воздуха да солнечные лучи давали им жизненные силы.

Пустынна и безмолвна была земля, не слышалось шелеста листьев, журчанья рек, шума ветра. Лишь скалы возвышались на ней. Но выше самых высоких скал поднималось солнце.

Ярко во тьме горели ничем не затуманенные звёзды. Но ярче самых лучезарных звёзд сияло солнце.

Славен, величав и молчалив был вождь людского племени богатырь Небо, но и он каждое утро воздевал руки, восхваляя солнце.

По ночам, когда исчезало вечное светило, на землю приходил лютый холод. Только твёрдая оболочка, покрывающая тело, спасала великанов от гибели. В темноте тесно прижимались они друг к другу, стараясь согреться. Но незащищённая земля отдавала тепло так быстро, что под утро великаны походили на застывшие ледяные глыбы.

С восторгом и благодарностью встречали они восход.

– Радуюемся тебе, Солнце! – говорил богатырь Небо, и вместе с этими словами уходила из его уст частичка дыхания.

– Радуюемся! – вторили великаны.

А солнце медленно катилось по тёмному небосклону, становилось всё горячее, пока ни достигало своей вершины. Тогда исчезали спасительные тени, накалялись камни – на землю приходил мучительный зной.

Но вновь возносил руки и слова богатырь Небо.

– Радуюемся тебе, Солнце!

И все повторяли:

– Радуюемся!

Потому что велики были любовь к животворному светилу и страх, что зайдёт оно однажды за край земли и не появится больше, если взропщут люди.

Так жили великаны, но с каждым годом мучительней становился дневной зной. Солнце, как хищник в поиске добычи, бродило по небосводу, выбрасывая вниз языки пламени, готовые слизнуть всё на своём пути. Даже ночами уже не остывала земля.

И однажды не выдержали могучие великаны, в смертельном забытии опустили они на землю. Устоял лишь богатырь Небо.

– Радуюемся тебе, Солнце, – проговорил он потрескавшимися губами, высоко поднимая ладони, будто дар принося.

Но солнце не слышало. Одетое в белый огненный саван, оно жгло яро и беспощадно. Снова и снова обращался

к нему великан, но не доходили его слова до воспалённого светила.

И тогда выпрямился он во весь рост и разом выдохнул весь воздух, с рождения хранимый в его могучей груди.

Огненная лавина накрыла великана, опалила и навсегда оставила стоять со вскинутыми руками. А его освобождённый дух устремился ввысь.

Горестно закричали женщины, заплакали дети. Но рядом с ним встал другой великан, за ним третий. И все мужчины племени, подняв руки в последней мольбе, отпустили своё единственное дыхание.

За мужчинами поднялись их матери, жёны, сёстры и тоже навечно замерли, обращённые к солнцу.

Беспомощно озираясь, из-за камней, из овражков показались дети. Даже самый маленький, не сделавший ещё ни одного шага, поднялся на ноги, лепеча, загляделся вверх, но не устоял, шлёпнулся на землю. И засмеялся. Потому что никогда прежде не смотрело солнце так ласково и никогда не дышалось под ним так легко.

И все дети смеялись и плакали вместе с ним.

А над землёй голубым светом сияло отпущенное великанами дыхание – возвысившийся дух Неба и великих богатырей, подаривших нам воздух.

Сами же они так и остались стоять со вскинутыми руками. Их обожжённые солнцем тела, высохли, руки превратились в ветви, ноги корнями ушли в землю.

Деревьями стали богатыри. И до сих пор, как детям своим, дарят они нам возможность дышать и жить.

...Всё то же солнце ходит сегодня над нами. Всё те же звёзды смотрят на нас по ночам. И Млечный путь клубится морозным дыханием.

Но многое изменилось под этими звёздами. Прежде всего, изменились люди. Тела наши стали мягкими, уязвимыми, лишь ногти на руках и ногах напоминают жёсткую кожу первых жителей земли.

Мы теперь даже не замечаем, как дышим, мы забыли великих богатырей. И только чудом дошло до нас имя Небо. Словно живые ладони, оберегает оно землю от смертельного холода и огня. И солнце, которое иссушает другие миры, смотрит на нас бережно и светло, потому что там, в вышине, встречает его чистое дыханье Неба:

– Здравствуй, Солнце! Радуюсь тебе!



